

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Рассказ

*Такую же, почти невероятную историю
рассказала одна из передач на ТВ «Жди меня»*

Автор

Грубо, дико, жутко... Он не знал, что и подумать. Руки связаны, на глазах многослойный жёсткий платок, закрывающий свет. Под бодрый говор чужого языка третий день его куда-то упорно везут — то на скрипучей телеге, то верхом на лошади за могучей спиной всадника, то, кажется, в лодке или на пароме — на зыбучих волнах. Иногда, на коротких остановках, платок и верёвку снимали и давали поесть — кусок лепёшки и кружку воды. Тогда он видел двух чернявых джигитов в полосатых халатах. Джигиты прятали глаза за кудряшками чёрных папах, двигались чётко, с плохо скрываемой злостью. На пленнике теперь, вместо меховой куртки, ватный полосатый халат, а на голове вместо новой, купленной в дорогу кепки — круглая баранья шапка... В самом деле — что происходит? В начале нового века? С парнем, отслужившим армейский срок?.. Похоже на страшный нелепый сон. Ведь они с Пашкой ничего плохого, тем более преступного, не замыслили. Загранпаспорта в порядке, самолёт, поезд, где-то за Кунградом вышли на полустанке, здесь по договорённости с Пашкой их, строителей-мастеров, должен был встретить местный житель, заказчик. Устроились на скамеечке, стали ждать... Непоседливому Пашке надоело сидеть сложа руки, он отправился в при вокзальный ларёк что-нибудь купить на завтрак. Оставшийся задремал, его и накрыли мешковиной, потащили неизвестно куда. Самый первый испуг — а что же с Пашкой? Значит, его тоже? Оба угодили в плен?.. В непроглядной темноте, с завязанными глазами, только и мог родиться зов о помощи: «Господи, помоги! Я должен вернуться! Настенька будет ждать, надеяться! Я же обещал. И маме обещал, и отцу! Помоги, Господи, помоги!»

Да, теперь вся надежда на Господа Бога, нужно собраться с мыслями, с духом, сосредоточиться, услышать Его в себе. Именно так говорил отец... Вспомнился давнишний разговор, когда в четырнадцать лет он, ершистый мальчишка, напрямки, вслух усомнился — а есть ли Бог? Если есть, почему его никто не видит? Да и откуда папаша, простой работяга мебельной фабрики, хотя и шибко умный, утверждает — несомненно же, есть! Папаша уверенно и спокойно объяснил неразумному на конкретном примере. Достал из холодильника кусок сырой говядины, отрезал небольшой кругловатый шматок и поднял на ладони. «Представьте, — сказал он, — это сердце. Такое, как у каждого из нас. Сердце бьётся,

пульсирует, приводит в движение кровь, мышцы. Теперь внимание, это важно! Может ли этот кусочек мяса прийти в движение, превратиться в механизм сам по себе? Уговаривайте, упрашивайте, колдуйте — ничего не получится, плоть не шевельнётся! А Бог сотворил чудо — превратил кусочек живой материи в мотор, в двигатель жизни! И назвал его сердцем. И подарил его миллиардам людей, вдохнул жизнь в каждое существо, никого не обошёл». «И нашей Жульке подарил?» — удивлённо поинтересовалась маленькая Наташка. «Не только нашей любимой спаниельке, всему живущему земному миру, всем, всем! — торжественно заключил отец. — Разве это не доказательство!»

Пленник всё ещё размышлял о словах отца, но сосредоточиться, найти равновесие не удавалось. Верховая езда, в конце концов, закончилась, его ловко поставили на землю, освободили затёкшие руки и открыли лицо. От яркого солнца он зажмурился, а когда веки расцепил, обнаружил прямо перед собой, кроме джигитов, тучного детину в овчинном тулупе и каракулевой серебристой шапке. Сам пленник тоже был в халате, на голове что-то чужое, мохнатое — меховая куртка и новая, купленная в дорогу кепка исчезли... Под ногами пламенели весенние маки, поодаль — глинобитное строение. Всё это пленник разглядит потом. А сейчас на него в упор уставились рыжие глаза, и детина высокомерно выкрикнул: «Я худжаин!» Один из джигитов подал ему книжечки (пленник мгновенно узнал: «Мои документы!»); хозяин восхитился: «Вай-вай, паспорт! Зачем тебе? Вай-вай, диплом! Зачем тебе?» Открыл паспорт, нарочито громко прочитал: «Юрий Михайлович Котов! Вай-вай, Котов! Тебя родил кот?» — Хозяин и джигиты от души посмеялись, знакомство с документами продолжилось. «Вай-вай, диплом! Строительный техникум... Якши! Ты строитель? Строишь дом?» — Пленник мотнул головой. Хозяин неожиданно задумался. «Строитель — плохой пастух. Вай-вай! Строителя якши продам!» Своих документов пленник больше не увидел. Его втокнули в пустой хлев, сунули в руки лепёшку. «Разве мы звери, понимаем. Кушай и жди». К вечеру пригнали овец, бодрый старик с мальчуганом испугались пленника и торопливо ушли. С овцами стало теплей, пленник нагрёб в уголок сена и свалился по-настоящему уснуть. Но сон не шёл, а маки за глиняной стеной заставили вспомнить последнюю поездку в деревню, где они с Настенькой сговорились о женитьбе. О тайной близости, дарящей детей, думали, но только про себя, оба хотели сыграть свадьбу в чистоте и невинности. А на свадьбу, на свою квартиру нужно заработать. Близко не заработаешь, зато чуть подальше требуются строители, хорошо платят. Настенька с радостью соглашалась подождать, да и всё располагало к счастливой удаче. Весенние сады только просыпались, веяло душистой свежестью, непонятым очарованием, хотелось в обнимку, с поцелуями бродить до утра... Уже не верится — неужели это было? Вернётся ли домой? Обнимет ли Настеньку?

Опять, как молнией, прорезало: «Господи, спаси!» Опять явился отец с мудрыми откровениями. Да, сомнений нет, только сердце, сотворённое Богом, дарует жизнь, без сердца жизни не существует. Но об этом ли сейчас думать? Может быть, и об этом, но беда благие размышления глушит. Что за люди вторглись в его жизнь, что от них ждать, как вести себя дальше?.. Выплыл из прошлого разговор с отцом о развитии человека (сплошная философия, было даже смешно — а пригодится ли в жизни?). Отец, поглаживая Жульку, спросил: «Ты заметил, как у нашей собаки изменился характер? Ко всем ласкалась, когда была щенком, а сейчас? Только меня и признаёт». В зоопарке, помнится, отец ещё больше философствовал: «Обратите внимание на обезьян — какие милые, когда маленькие! А подрастут — обретают злость, свирепость, палец в рот не кладут». — «Ну и что? — высказалась Наташка. — Им можно, они животные, а люди совсем другие!» Отец чётко, невозмутимо ответил: «Запомни, доченька, люди тоже животные. Да, да, самые настоящие! И людьми становятся не сразу». Наташка замолчала, надулась, а когда

вернулась домой, сказала маме: «Мы. оказывается, все-все кошки и собаки». Мама, как обычно, за письменным столом проверяла тетрадки, подняла голову и улыбнулась: «Ну, конечно же, не все...» Отец объяснил: «Мы рассуждали о превращении животного в человека. Присмотритесь, проверьте! Все щенки, котята, человеческие младенцы друг на друга похожи. Не внешним видом, а поведением, характером. Пока животные не созреют, не обогатятся разумом, они все живут природным инстинктом, диким, неуправляемым. И только человеческое существо способно стать человеком, если преодолает черту инстинкта. Бывает, что существо до конца жизни остаётся животным, хотя думает, что превратилось в человека...» — «А я превратилась?» — задиристо спрашивает Наташка. «Пока не совсем. Вот закончишь школу, тогда и посмотрим». Наташка, кажется, обиделась, а её старший брат подумал: «Заумно как-то... созреть... переступить черту...» А теперь, в тёмном углу на соломе невольно подумал: «Не о тех ли существах рассуждал отец — о тех самых, у которых я в плену? И от которых, — эта мысль шевельнулась впервые, — нужно бежать! Дверь не заперта, руки свободны...» Нет! Разум подсказывает — бежать некуда, степь без конца и края, далеко ли можно уйти?

Он уснул и резко пробудился от толчка в бок сапогом: «Вставай, Юра! Пойдём новый худжайн!» Детина в серебристой шапке вывел его к лошадям — одну оседал сам, а вторую предложил пленнику. «Не беги, Юра, убью». Степной простор благоухал маками, тюльпанами, розовыми кустами-фонтанами тамарикса, но весенняя красота не радовала. Рядом с неприятным детиной, что-то нудно напевающим себе под нос, думать о хорошем будущем было неестественно, мысли уносились к Настеньке, в родной город, в зелёные дали за Волгой и обрывались на Пашке. «Держись, дружище, не падай духом, будем бороться вместе...» — Что ещё в этот трудный час он мог сказать своему лучшему другу? Хотя о какой борьбе можно говорить? Можно пока неопределённо, расплывчато думать. Он и думал, и гадал, и собирался с мыслями до самого вечера. А вечером, после двух привалов, подъехали к глинобитным домам на окраине большого аила. На крыше одного из домов краснела огромная вогнутая тарелка — пленник с удивлением подумал: значит, есть интернет! К всадникам из резных ворот вышел седой чернобровый красавец в тёмно-синем халате, простроченном сверху донизу рядами голубых нитей; расшитая красным и синим тюбетейка подчёркивала естественную красоту на висках белых фонтанчиков. Худжайн бодро оставил седло, мужчины обнялись, наперебой желая друг другу всяческих благ. Пленник тоже слез с лошади — с большим трудом, с болью во всём теле от долгой верховой езды. Этой боли никто не заметил, кроме мальчугана лет двенадцати, который вдруг появился и не сводил глаз с нового человека. На мальчугане тоже красовалась расшитая тюбетейка, но на ногах вместо сапог, как у взрослых, чернели остроносые галоши. Он засмеялся и неодобрительно покачал головой. Седой красавец, наконец, оторвался от объятий худжайна, что-то мальчишке сказал. Тот торопливо схватил пленника за руку и повёл вдоль глинобитного дома к воротам. За воротами оказался длинный хлев со сторожевой будкой. К ней мальчуган и привёл пленника и распахнул входную дверь. На полу солома, на соломе — цветное ватное одеяло, на котором чаще всего сидят (пленник потом узнает — это курпача). Мальчуган стал что-то объяснять, и пленник понял: здесь он будет жить. «Ман Тамыр!» — представился малый и требовательно, понятия без перевода, спросил — а кто ты? Услышав «Юра», мальчуган весело подхватил: «Юр! Юр!» и закружился. Тут появился седой красавец, на ломаном русском объяснил: Тамыр — его сын; сегодня нужно спать, дела будут завтра. Вот твой дом, вот постель. Чужую одежду сними, вернём. Ана, моя жена, принесёт еду и другой шапан... Зовут меня Нуратдинбай, остальные знакомства потом... Вдруг двор заполнили овцы; пастух, молодой парень, длинной палкой стал загонять блеющую отару в хлев. Откуда ни возьмись — огромный пёс, смотрит в

упор, обнюхивает. Пленник замер, не шевельнётся... Нуратдинбай успокоил: это наш алабай Жума, не тронет, самая мирная собака. Наконец, все ушли, овцы успокоились, можно и прилечь. Но прилечь не удалось — появилась женщина, в накидке (узнал потом — в жегде), голова обмотана платком, лица не разглядеть, принесла большую пиалу с похлёбкой, накрытой лепёшкой. Через другую руку перекинут халат. «Спасибо!» — искренне отозвался пленник, снял с себя чужой халат, скинул баранью шапку и с жадностью накинулся на ароматный ужин. Ана удалилась, аккуратно положив новый халат на курпачу и забрав снятое. В приоткрытую дверь заглянул пёс, зашевелил носом. Пленник позвал: «Заходи, Жума, в мою сторожку!» Отломил кусочек лепёшки и предложил в посудине остаток еды. Пёс, не раздумывая, вылизал вкусную жидкость, подхватил зубами остальное угощение. Помахал благодарно хвостом и выскочил за дверь. Пленник повалился на курпачу и мгновенно уснул.

Утро ворвалось в сторожку, как назвал пленник своё жильё, дружным блеяньем овец, которых выгоняли на пастбище, и звонким криком Тамыра — он стоял на пороге и звал на выход. Мелькнула голова Жумы, пёс, не останавливаясь, умчался вслед за отарой, а пленник и Тамыр направились вдоль глиняного забора. За воротами хозяйского дома с красной вогнутой тарелкой, на просторном зелёном дворе, дымился очаг под большим чёрным котлом (казаном!) и шёл дым из высокой печки (потом пленнику объяснят — это тандыр, в нём пекут лепешки). Возле огня хлопотали две женщины — Ана и ещё одна, помоложе. Пленник сказал им: «Здравствуйте!», а Тамыр, хмыкнув, как бы перевёл: «Салам алейкум!» Ана отозвалась: «Ва алейкум ассалам». Пленник про себя отметил — надо запомнить. Неподаёку, на траве, разложена скатёрка (дастархан!) с пиалами, на блюдцах сушёные виноград (кышмыш), абрикосы (урук), разрезанные на дольки яблоки (алма) и что-то ещё. Вокруг скатёрки переливается набойными цветами курпача. Из дома вышел Нуратдинбай, вальяжно приблизился к пленнику, поздоровался. Услышав от пленника «Ва алейкум ассалам», одобрительно кивнул и хлопнул в ладоши: «Калыжан!» Молодая женщина принесла кувшин с водой, полила хозяину на руки, затем — Тамыру, а уж потом пленнику. Сели, поджав ноги, вокруг скатёрки, молча подождали, пока Калыжан принесёт чай и молоко. Наконец, чаепитие началось, и хозяин повёл серьёзный разговор. Он не всегда мог точно выразиться, но основное было понятно. Прежде всего с гордостью сообщил, показав на крышу: живём хорошо, от мира не отстаём. Юрий теперь его законный работник, Нуратдинбай заплатил за него большие деньги. Убежать нельзя — там море, там пустыня, а там погибель. Зачем убежать? Живи, работай. Привыкнешь, научишься говорить. Найдём невесту, женишься. Ты знающий человек, а знающие нужны. Знаешь, как построить дом? Строй, в обиде не будешь. Со всеми познакомишься. Уже знаешь мою жену, знаешь Калыжан — это наша невестка, жена моего старшего сына Тагая. Он отвечает за конюшню, хорошо справляется, я доволен. Есть ещё сын, Шалмурат, ему восемнадцать, он молодец, управляет нашей землёй, хозяйством. Непросто это — пшеницу посадить, картофель, джугару, да бахчу наладить. Но справляется! Познакомишься, хорошие джигиты. Ну а тебе, строителю, надо строить. Будешь строить дом для Тагая и Калыжан. Хватит им у меня ютиться. А потом построишь и для Шалмурата, пора ему жениться. Ну а что же я? Я тоже без дела не сижу. Дело у меня золотое! Произведу каракуль! Эти овцы, что спят рядом с тобой, цены не имеют, особая порода — каракуль! Вай, совсем забыл! Есть у меня ещё сын, ты с ним хорошо познакомился. Вот он, рядом с тобой. Он будет с тобой всегда...

После чаепития Нуратдинбай повёл своего законного работника знакомить с хозяйством. Тамыр не отставал, прислушивался и помалкивал. В конюшне их встретил Тагай, высокий парень в рабочей одежде, никак не мужик, удивительно похожий на отца. Тагай только взглянул на пленника и сразу же со щёткой вернулся к лошадям. Нового работни-

ка больше всего заинтересовали верблюды — два однопорьих красавца уставились на вошедших большими широко расставленными глазами. Почему они здесь, а не в степи? Новый работник спросил, и Нуратдинбай охотно объяснил: взяли молоко, да и пока холодно ночью, пусть погреются. А не пора ли строительством заняться — предложил работник, и довольный хозяин согласился — якши, давай строить. Пленник попросил отныне так его и называть — не Юра, а Строитель, ещё лучше — Мастер. Бывший Юра потребовал бумагу и карандаш, изучил хозяйский дом (уйжай), нарисовал проект нового строения, получил одобрение. Теперь необходимо найти глину, привезти много соломы, решить вопрос с водой; сколотить деревянные формы для изготовления саманных кирпичей; нарезать камыш, добыть дерево для перекладин и длинные жерди... Нуратдинбай пообещал всем обеспечить. А вода — вот она, в речке, до лета будет поток, а когда русло высохнет, помогать будет колодец — верблюд ходит по кругу, воду вытаскивает... Пришли к речке — она действительно оказалась полноводной, на изумрудных берегах живописно краснели, желтели, синели, белели цветы и щедро посверкивал мелкими листочками кустарник. Красота неопишуемая! Стоять бы и любоваться, и ничего другого не надо. А вот нужную глину Строитель нашёл с трудом, от будущей стройки далековато. Что ж, решил он, будем лепить здесь, а потом займёмся перевозкой. Подъехавший на лошади Тагай проект одобрил, ведь большой саманный «там» строится именно для него. Да, верно, место изготовления кирпича далековато, но с верблюжьей помощью, сколотив повозку, можно перевозить. Шалмурату, загорелому до черноты улыбчивому парню, отвечающему за пахоту и посевы, будущий «там» тоже понравился. Он предложил — работать под солнцем слишком жарко, от пота вымокнешь, нужно, мастер, тебя постричь. Машинка для стрижки есть, Тагай умеет. Сколько овечек без шерсти оставил! А, Тагай? Старший брат согласился, послал Тамыра за машинкой. А Шалмурат отправился за кетменём и кайлом — на завтра, добывать на отмеченном пригорке глину. Мастер напомнил: потребуются вёдра и обязательно большой бак с краном! Чтобы отмываться потом. Нуратдинбай в сторонке любовался сыновьями и от удовольствия потирал ладони. Машинка для стрижки появилась быстро и под смех братьев сделала своё дело — начисто оголила голову мастеру. Теперь он осмелился попросить у хозяина разрешение помыться, в этой речке, — уже много дней живёт без очистительной влаги. Ну, конечно, как не разрешить!.. Одежда сброшена, мастер вошёл в тёплую воду и не поверил — в самом глубоком месте чуть выше пояса. Это не помешало поплавать, поплескаться, получить неожиданное удовольствие.

День завершился вкуснейшим угощением — ароматной шурпой и горячей, только из тандыра, лепёшкой. Еду принесла в сторожку заботливая Ана. Мастер собирался с духом, готовился к большой, тяжёлой работе землекопа, на которой легко можно надорваться. Только бы хватило сил, умения управлять собой. Он почувствовал — душа размагничивалась, боль несправедливого пленения притуплялась. Цветущая степь, доброе отношение семейства, в которое он попал, приглушили возможные протесты. Теперь он сам в цветном полосатом халате, то есть в шапане, и тубетейке. Похож на жителя айла, и скоро полностью в него превратится. Неужели можно простить и забыть? Зародившиеся печальные мысли прервал Тамыр, он позвал на работу — чистить хлев, в который скоро вернутся золотые овцы хозяина. Работать, так работать. Главное — не поддаваться панике — как любил повторять в недавнем стройбате сержант Сергеев (надо же, даже Сергеева вспомнил!), и как говорил отец — присмотреться к себе, увидеть опору... Хлев, наконец, убран, и пленник, вернувшись в сторожку, порадовался бляенью отары и Жуме. Для доброй собаки он оставил кусок лепёшки, смоченной в мясном бульоне. Угощение (у Жумы была своя еда и своя чашка) алабай с удовольствием слопал, а пленник с удовольствием потрепал его за ухом

и поглабля загривок. Похоже, между собакой и человеком завязывалась дружба. Ночью Жума не постеснялся поскрестись лапой в дверь, и человек её отворил, разрешил собаке лечь рядом. Но только до рассвета! Чтобы никто не увидел. Неизвестно, как на эту дружбу отзовется хозяин. А конфликтовать с хозяином никак нельзя. Пока не установились реальные отношения. Кажется, пленник утверждался в трудном решении бежать — во что бы то ни стало! Недаром же ему приснилась дорога в дедовском Скворцове: бешено цветёт вишня, и через это цветение просёлок выводит на пшеничную ниву, а дед Василий Иванович мощно, широко распевает: «Край родной, навек любимый, где найдёшь ещё такой!» Но чувство невероятно тревожное, слишком беспокойно на душе... «Господи, помоги!»

Начались трудовые будни — с лопатой, кетменём, кайлом. Принялись зудеть, а потом заныли руки, ноги и, казалось бы, гибкая, незаметная поясница. Пленник пытался умерить темпы, но на законного трудягу любил поглазеть Нуратдинбай; совершив в положенный час моление, он вальяжно прохаживался вокруг да около. Наведывался Тагай, ведь строился его будущий дом; он иногда подсказывал, запрягал верблюда в повозку без колёс. Шалмурат подвозил солому, помогал с водой, всё шло своим чередом и не было бы так тяжело, не наваливалась бы невыносимая усталость — если бы не приходилось месить глину голыми ногами, а потом лопатой или руками перекаладывать месиво в формы и эти почти неподъёмные формы переворачивать. Хозяин, как обещал, где-то купил бак с краном, и мастер приспособил его под душ в укромном местечке за хлевом, на жердях; сколотил лестницу для подъёма воды. Да, настоящая освежающий, омывающий душ после работы! С чистойшей водой из колодца. Из консервной банки с пробитыми отверстиями выбивались струи — ничуть не хуже, чем в современной городской квартире. Изобретение мастера понравилось не только Тамыру, который вставал под струи при каждом удобном случае, заинтересовались и женщины, особенно молодая Калыжан — она купалась днём, когда все на работе, и Тагай, её муж, частенько доставлял воду для душа в кожаных мешках на верблюде. Экзотика! Но всё болело, и было не до восторгов. Где-то через пару недель внимательная Ана заметила: у работника опухли руки! Забеспокоилась, потребовала у мужа хотя бы один день для лечения больного. Смазала разбухшие пальцы маслом. Хозяин раздобыл резиновые перчатки, и работа, конечно же, не остановилась. Благодарный мастер спросил у жены хозяйина: как можно называть её более уважительно? Анаджан? Женщина отмахнулась: не надо. А Тамыр подсказал: более уважительно — Анагуль. Так мастер и стал её называть, после обеда и ужина кланялся: «Рахмет, Анагуль!»

С приходом летней жары, когда вся степь высохла, пожелтела, а кое-где превратилась в песок, мастер лепил кирпичи и возводил стены в прохладное время — утром и вечером. Весь солнцепёк проводил в сторожке или там, где была необходимость — в конюшне, в хозяйственном сарае и даже в хозяйском доме. Самым интересным местом был сарай, здесь в нишах хранились сухофрукты и курут для продажи. А весной густо раскладывали на полу свежие каракулевые шкурки для обработки и полного высыхания. Пленник остро невзлюбил каракулеву красоту из-за варварской жестокости: конечно, красота требует жертв, но в жертву приносились новорождённые ягнята, совсем младенцы. Об этом даже думать не хотелось. Лучше всего пленник чувствовал себя в сторожке. Здесь его, как мог, развлекал Тамыр. Он оказался подростком с неожиданными интересами. В картонной коробке, которую он с нескрываемой гордостью приносил с собой, были его сокровища — игральные бараньи косточки, старые очки с почерневшей оправой, позеленевшие монеты, мохнатая лянга — пучок шерсти, посаженной на свинцовую бляшку. Лянгой эту самоделку называл сослуживец Котова рядовой Махмудов, родственные корни которого уходили в Узбекистан.

Собственно, от Махмудова и узнали стройбатовцы об этой восточной детской игре, она молодым срочникам понравилась, и сам Котов азартно подбрасывал ногой лянгу, громко отсчитывая количество бросков. Ребята спрашивали лишь об одном: как удалось Махмудову так долго скрывать лянгу и пронести в казарму? Сержант Сергеев в конце концов непорядок заметил и мешающую службе игрушку конфисковал. А теперь лянга пришла на помощь — будет чем в лютую жару развлечься, уйти от тревожных мыслей. Тамыр уловил интерес Юры к его богатствам, подхватил лянгу, кинул на ногу, подцепил острым носком галоши и начал считать: «Быр, икы, оч...» (Кстати, пленник незаметно стал не только понимать отдельные простые слова — «жёк», «бар» (нет, есть), но и более сложные — иди, принеси и т. д.). В душе пленника зашевелилось озорство, он чуть было не вскочил, чтобы перехватить лянгу и показать класс. Но что-то сдержало, он всё-таки старше и всё-таки во всём должен быть смысл. «А давай поиграем в кости!» — предложил он. Тамыр согласился и расставил кругловатые косточки в боевом порядке. Удар! Ещё удар! Ещё и ещё. Лысый игрок промахнулся, а Тамыр своё взял — костяшки противника повержены, неоспоримая победа. Что ж, испытаем судьбу ещё раз: пленник осторожно извлёк из коробки очки, раздвинул дужки, нацепил на нос. Тамыр бурно, как в припадке, захотел: «Вай-бо! На кого похож? Лысый! Чёрный! В очках!» В эту минуту пленник и подумал: «Только линзами можно запалить траву и сучья, разжечь костёр! Очки нужны для побега!» Он сказал Тамыру: «Якши. Очень нравятся. Буду гулять по аулу, пусть все любят!» — Тамыр грозно не согласился: «Жёк! Снимай». Пленник покорно вернул очки в коробку и подумал: «Линзы-то всё равно нужны». Вдруг Тамыр подобрел: «Давай играть! Выиграешь — очки твои». Предложил лянгу. Запрыгал на одной ноге: «Быр, икы, оч...» Досчитал до двадцати пяти и жестом победителя взмахнул рукой: «Теперь ты!» Да, трудный экзамен, учитывая, что ноги побаливают. Пленник собрался с духом и, подбросив лянгу, стал считать. Досчитал до тридцати. Хватит? Тамыр не ожидал подвоха, был откровенно огорчён — расставаться с очками так не хотелось. Пленник мальчишку понял: «Ладно, очки твои». Тамыр захолопал в ладоши и громко поблагодарил: «Рахмет!»

Но история с очками на этом не закончилась. Через пару недель Тагай с Шалмуратом откуда-то издалека прикатили высоченную арбу с камышом и связками ивовых прутьев — для крыши. Внимание мастера и привлекли прутья. Они были зелёные, свежие, недавно срезанные. Именно из таких получались сладкозвучные свистульки и дудочки. Вспомнилось лето, когда Котовы всей семьёй отдыхали в Скворцове. Отец брал с собой Юрку, и они до самого вечера отправлялись через луга в ближайший лесок. Искали, высматривали всё интересное и полезное. В лугах — землянику и шампиньоны, а в царстве деревьев — лесную скульптуру. Не так часто, как бы хотелось, но набредали на диковинные сплетения, и отцу готовое произведение природы оставалось лишь кое-где подправить стамеской. Возвращались в село другим путём — большей частью по-над речкой сплошь заросшей ивняком. Отец однажды и срезал одну длинную ветку, а когда, вернувшись, отужинали, на глазах у всех сотворил чудо — вырезал настоящую дудочку; но заиграл на ней дед Василий Иванович, да заиграл так мелодично, так виртуозно — баба Поля только и всплеснула руками: «Откуда что берётся!» А после настоящего концерта отец преподавал детям урок — как нужно грамотно снять кожуцу и сделать вырезы, а затем грамотно вернуть кожуцу на прежнее место. Оказавшись в плену, в безвыходном положении, сын опять и опять с обострённым трепетом обращался памятью к отцу. Какой талантливый, мудрый, добрый, не у каждого есть такой отец. А мама? С неуловимо бархатным тихим голосом? Окружённая малышами-первоклашками, которые не отходили от неё и после школы? Мама много не говорила, но, глядя на неё, ты сам многое понимал. Разве не повезло мастеру с родите-

лями? Да и вот загадка: он родился именно от них, а не от соседских Марии Фёдоровны и Павла Степановича, тоже хороших людей, «но разве сравнить с моими?» Разве это не Божеский дар, не доказательство существования Бога? Никто, даже отец, об этом не говорил, к этому открытию мастер пришёл сам. Через Скворцово, через самодельную дудочку, через память о добрых людях, которые (благодаря Ему!) оказались самыми близкими, самыми нужными в тяжкий, ответственный момент... Простая дудочка помогла и сейчас в подготовке к побегу (да, к побегу, а как иначе назвать?). Из веточки ивы пленник смастерил простенький музыкальный инструмент и выдал ошеломлённому Тамыру непонятную, но звучную весёлую мелодию. Тамыр засветился, ему захотелось поиграть на дудочке самому. Брызнули нестройные звуки, но мальчишке понравилось, он увлечённо продолжал дудеть, беспорядочно зажимая неловкими пальцами дырочки. Наконец, наигрался, но дудочку из рук не выпускал. Понял, что чужое нужно вернуть, глаза беспомощно заматались. Принял какое-то решение: выскочил из сторожки... и вернулся с очками в руках! «Меняемся, а, Юра?» — «Хош», — согласился пленник и про себя поблагодарил село Скворцово и умельца-отца.

Мысль о побеге засела зудящей занозой. Он понимал, что бежать — смертельно опасно: догонят, или он не сможет одолеть пустыню. Но другого пути не видел, не оставаться же здесь на всю жизнь! Для борьбы с пустыней нужна вода — много, много воды! Нужно чем-то питаться и на чём-то ехать. Еды неплохо бы засушить сухарей, то есть лепёшек, заранее куда-то сложить, да так чтобы приготовлений не заметили. Впрочем, лепёшек столько не набрать, и вокруг внимательные, зоркие глаза — непременно увидят. В дороге могли бы спасти сухофрукты — яблоки, кышмыш, вяленая дыня. Да и курут — сушёная шариками солёная сузьма. Но как собрать, как вынести из хозяйского сарая и погрузить на верблюда? Да, да, на верблюда, в пустыне лошадь не выдержит, спасёт только верблюд — неприхотливый, выносливый, могущий несколько месяцев обходиться без воды. О, верблюд — это редкая восточная песня! Пленник с восторгом стал думать об этом необыкновенном животном. В хозяйстве Нуратдинбая — два верблюда, два очень смешных существа с клоунскими мордами. Но кто может быть серьёзнее клоуна! Посмотри, как эти клоуны внимательно, пристрастно за тобой наблюдают! Они без слов говорят: смейся, но не будь дураком. Учись, как нужно по-настоящему жить (даже в лютое безводье!) и по-настоящему (с утра до ночи) работать! Да и питаться можно колючками. А ведь морды с огромными обвисшими губами и фантастическими ресницами просто сказочные. К тому же оба — волшебники-горбуны, все ночью спят, а они накодывают мир и покой. Разве мы сказки не любим? Мама часто, когда мастер был маленький, а Наташка ещё не родилась, рассказывала ему волшебные сказки, вот и сошлись настоящее и прошлое. Теперь сказка вплетается в жизнь и, превратившись в невиданных животных, помогает почувствовать себя человеком и поверить почти неосуществимой мечте... Пленник вспомнил стихи, услышанные в детстве: «Вот и вышли на манеж клоун Груш и клоун Беш...» Он так и назвал рыжего верблюда — Груш, а того, что поменьше и посветлей — Беш. Рыжий Груш безропотно перевозил тяжелейшие кирпичи, а пленник каждый раз благодарно поглаживал его изящно, как у лебедя, изогнутую шею и подносил ковш с водой. Груш мгновенно мощной змеей выпрастывал язык и смахивал в рот вкусную воду. Но как оседлать верблюда, как удержаться на вершине его высокого горба? К Нуратдинбаю приезжали гости и на верблюдах. Приглядевшись к сёдлам на горбах, пленник решил сам смастерить нечто подобное. Он спросил у Тамыра — не хочет ли он покататься на верблюде? Тамыр немедленно отозвался: «Хочу. Но как? На горбу не усидишь». — «А давай сделаем седло. Я нарисую, а ты попросишь отца: пусть нарубит рогатины. В кустах много». Степенный Нуратдинбай просьбе не удивился, по рисунку мастера всё исполнил.

Даже велел изготовить стремена из перевёрнутых рогаачи — чтобы было удобно садиться верхом. «Я сам был таким. Пусть мальчишка порезвится!» И вот настал торжественный момент — рогатины из ветвей тамарикса увязаны, закреплены ремнями, наброшена курпача. По бокам верблюда призывно висят самодельные стремена, Тамыр поднимается на самую вершину Груша. Одной рукой машет, в другой — вожжи и палка для управления ходом. Нураддинбай смеялся и был доволен; смеялись и были довольны Анагуль и её невестка Калыжан; прибежали из ила мальчишки и криками сопровождали смелого Тамыра, пока тот катался вокруг домов. Пленнику же удалось сесть на верблюда через несколько дней. Накатавшись вдоволь, Тамыр сам предложил Юре подняться в седло. Уперев ногу в рогатку-стремя, он вскинулся над горбом и едва не опрокинулся. Но дальше было легче, появлялась уверенная устойчивость. Если не видел Нураддинбай, он выезжал к речке, катался вокруг ямины, в которой лепил кирпичи.

Но дело есть дело, работа всегда на первом месте. Новый «там» постепенно обрастал стенами, нишами для посуды и курпачей. Осенью, когда солнце умерило свой жар и улеглись пыльные бури, мастер с помощью Тагая и Шалмурата настелил плоскую крышу; осталось сложить печи — и пожалуйста, заселяйся! Больше всех радовались Тагай и его жена Калыжан, у которой заметно увеличивался живот. Беспокойный Шалмурат терпеливо ждал очереди на свой «там» и только просил мастера поскорей начать строительство. Мастер соглашался, успокаивал и просил заранее подвезти солому, камыш, найти хорошую глину... а пока в доме Тагая нет тепла, он ничем другим заниматься не может. Печки, наконец, сложены, занялись огнём, Нураддинбай лично убедился: жар саксаула надёжно согревает две комнаты, можно обойтись без юрты в «уйжае». Восхищённый хозяин неожиданно распорядился: после двух дней отдыха такие же печки сложить и в его доме. Что ж, был бы приказ — исполнитель найдётся. Лучше лепить кирпичи и выстраивать переходы для дыма, чем губить не родившихся ягнят в чреве матери. Как раз был период осеннего окота, и сарай устилали шкурками невиданной красоты. Настроение в семействе хозяина было праздничным, где-то далеко шла успешная продажа таких шкурок. Свободные от работы часы пленник привычно проводил в сторожке, рядом с Жумой, в особых случаях (окот — случай особый) получал щедрое угощение — бешбармак, самсу с обязательным кумысом. Тамыр стал приходить реже, а в праздничные дни не только покрасоваться (он облачался в стёганый бешкент с мозаикой сверкающих пуговиц, сверху шапан, вместо острых галош — сапожки, вместо тюбетейки — кураш: шапка из чёрной овчины); обязательно приносил свою знаменитую коробку с монетами и игральными костями и всегда просил, почти требовал сразиться в лянгу — хотел отыграться, но пленник упорно не соглашался: не могу, ноги болят! И в этот раз Тамыр ушёл недовольный отказом, с ним ушло и хорошее настроение; вдруг появился лучик света: заботливая Анагуль принесла еду и ножницы — уже несколько раз выстригала заросшую шею и бороду. Удивительно добрая женщина! А ведь пленник собрался бежать, значит, придётся добрейшего человека огорчить. Но Анагуль, похоже, умная женщина, может быть, не сразу, но поймёт — он всё-таки в неволе, у него есть своя родина. Там, на родине, его ждут — не дождутся Настенька, мама, отец. Эх, знала бы Анагуль — в последнее время усилилась тревога и за Пашкину судьбу. Он и Пашка учились в строительном техникуме, правда — в разные годы, и в разные годы служили в стройбате. Пашка оказался опытней, проворней, успел побывать на заработках в Средней Азии, вот и поехали по проверенному адресу добывать хорошие деньги. Что же случилось? Что? Что? Бился в сердце вопрос, но ответа, даже самого неправдоподобного, не было... Когда пленник оставался один, беспокойство усиливалось. Царапался в дверь Жума. «Алабаюшка, подкажи!» Жума понимающе смотрел в глаза, но подсказать, посоветовать

не мог. Кроме Пашки, естественно, из головы не выходила и Настя. Собираясь уснуть на чужой курпаче, пленник мысленно писал ей письма: «Настенька, родная, день и ночь думаю о тебе. Я готовлюсь. Мы обязательно встретимся... Жди меня, жди!» Жума чутко прислушивался к неясному бормотанию, оно ему откровенно не нравилось.

Пришла зима, на снег поскупились, зато ночами ударила морозами. Пришлось сторожку утеплять очагом и бегать в степь за сухими сучьями для растопки. Без овчины, тёплого тулупа уже нельзя. В такую погоду о побеге нечего и помышлять — ни человек, ни верблюд лютых морозов не выдержит. Новые печки в хозяйском «уйжае» сложены, греют на славу; работник иногда в дом заходит, но к телевизору не приглашают. Что поделать — по одежке протягивай ножки... Нуратдинбай решил привести в порядок конюшню, хлев, сарай — убрать протечки и старые ветхие опоры. Пленник, послушно выполняя все распоряжения хозяина, не оставляя мыслей о побеге; незаметно припрятал, прикопал возле сторожки, кухонный нож, это, считал он, кроме очков, самым важным приобретением. В сарае, в нише с ненужной посудой, обнаружил алюминиевую кастрюлю с помятым боком, кружку с отломанной ручкой и даже почерневший кувшин (кумган); в углу, в самом неожиданном месте наткнулся на скрученную кольцами верёвку и моток медной проволоки — очень ценные находки, не забыть бы в дорогу... Зима проходила в общем-то незаметно, в будничных ремонтах, и лишь два события, тесно связанных одно с другим, внесли радостный переполох и оживление: переход молодой семьи Тагая в новый тёплый «там» и рождение двойни — мальчика и девочки. Появление внука и внучки было для Нуратдинбая настоящим счастьем. Он громогласно объявил, что по этому случаю устроит весной настоящий байрам — на природе, среди молодой зелени и цветов, зарежет десять баранов, угостит весь аил. А пока он дарит новорождённым два самых красивых бешика (две люльки) — таких в аиле ещё не видели! Пленник порадовался за хозяина, за семью Тагая и подумал: не этим ли весенним днём он сумеет вырваться из неволи?

Этот весенний день ярко, как маяк, вдруг засветился реальной мечтой, даже стал сниться — то в виде солнечного, в лучах, верблюда Груша, обвешанного кожаными мешками, то в виде холодного мозаичного клубка шевелящихся змей на вершине бархана, то в виде тропы, усыпанной сухофруктами. Змеи — это важно, это предупреждение о трудностях, которые предстоят. Верблюд и сухофрукты — это не менее важно. Верблюда надо бесшумно вывести, загрузить, а сухофрукты и всё остальное незаметно собрать, подготовить в дорогу. Так думалось, так снилось зимой, но ничего нет быстрее самого времени — оно, хочешь — не хочешь явило тот самый день, весенний, тёплый, лучистый, когда Нуратдинбай созвал на байрам по случаю рождения внука и внучки. На семейный праздник уважаемого человека, устроенный на зелёной лужайке рядом с новым «тамом», пришли все мужчины аила; женщины праздновали отдельно; Анагуль, Кальжан и несколько девушек разносили чайники с чаем, бешбармак и кумыс, следили, чтобы дастархан всегда был полон. На лужайке весело, шумно, два дутариста, сменяя друг друга, ублажали гостей мелодичной игрой и пением. Приглашённые танцовщицы задорно кружились, поднимая у мужчин настроение. Хозяин решил позабавить собравшихся борьбой аильских палванов — несколько силачей на войлочном покрытии усердно мяли друг друга бока. В разгар напряжённого противостояния сильнейшей пары на войлок выскочил Тамыр и замахал руками, требуя внимания. «Мы с Юрой тоже поборемся!» — прокричал он. Нуратдинбай благодушно поддержал: «Давай Юру! Посмотрим!» Пленник слышал звуки веселья и мирно отдыхал в сторожке на курпаче. Ворвавшийся Тамыр заставил подняться, надеть шапан и кураш. На нём старые штаны, заправленные в не менее старые сапоги — а прилично ли в таком виде? «Идём!» — скомандовал Тамыр, и пленник направился вслед за мальчишкой. Тамыр привёл его на войлок

в самый центр веселящихся мужчин в чёрных и белых папахах. В полной тишине Тамыр обошёл всех гостей, показывая клочок шерсти, посаженной на свинец, и спрашивая: «Кто победит — я или он?» — Тамыр с презрением кивал на пленника. «Конечно, ты сынок!» — уверенно подал голос Нуратдинбай, гости дружно поддержали хозяина. «Я начинаю. — Тамыр ловко сбросил шапан, вскинул ногу, лянга взлетела над его головой. — Быр, икы, оч...» Счёт закончился на пятидесяти. Торжествующий Тамыр передал ляngu пленнику, и тот растерялся: как быть? Выиграть, конечно, можно, а надо ли? Интуиция подсказала: нет, не надо. Есть цели поважней. Лянга взлетела, Тамыр стал громко считать. На «двенадцати» работник Нуратдинбая упал, обхватил ногу. Под одобрительный гул с трудом поднялся и заковылял к сторожке. Тамыр победил — его со всех сторон поздравляли и звали сесть рядом. Зазвенели, затренькали дутары, байрам продолжался.

Едва побеждённый «лянгист» добрался до сторожки, его догнал Тамыр и с усмешкой передал распоряжение отца: один многоуважаемый гость хочет хороший душ, вези воду! Ага, сама судьба идёт навстречу! Собственно, о чём беспокоиться — бак полный, вода на солнце нагрелась. Правильно — на всякий случай нужен запас. Пленник вывел из конюшни Груша (работнику, если необходимо, позволено брать верблюдов), досыта напоил его на речке, наполнил в чистейшем колодце кожаные мешки водой, доставил к купальному месту. Отвёл Груша с подвешенными мешками подальше от глаз, за сарай. Вечером, уже стало смеркаться, в сопровождении хозяина появился белобородый пожилой гость. Он был доволен, брызгался от души, зарёкся такую же кабину соорудить у себя. Его и ещё нескольких достопочтенных гостей оставили переночевать в уйжае, утром на лошадях и верблюдах они уедут. Торжества на лужайке закончились бляньем овец, вернувшихся с выпаса. Аильцы разошлись, женщины прибирали еду и посуду. У ног работника Нуратдинбая закрутил хвостом Жума, намекая на угощение. На этот раз оно было особенно щедрым — алабай получил два больших треугольника вкуснейшей самсы и остатки бешбармака. Пленник, прощально погладив и потрепав Жуму за ухом, занялся приготовлением к побегу. Загрузил в мешки посуду и еду (особенно повезло с лепёшками, испечёнными для байрама, целых семь штук излишка!), не забыл и жестяную коробку с солью; приладил самодельное седло, набросил на него курпачу, закрепил стремена — всё, можно уходить! Когда совсем стемнело и аил, похоже, уснул, он, надев шапан и кураш, повёл Груша мимо гостевых лошадей и верблюдов, привязанных к деревянным опорам. Стрельнула мысль (кто-то подсказывает?) — один верблюд в пустыне может не выдержать, не взять ли ещё одного? Пленник выбирает гостевого, крайнего, одnogорбого красавца и привязывает к хвосту Груша. Хорошо ли, плохо ли — раздумывать не приходится. Прости, хозяин, вынужденное воровство, верблюдов в пустыне много, потеря невелика. Но всё равно — прости, ради Бога! И вы простите, по-матерински заботливая Анагуль, и ты, хороший парень Шалмурат, не удалось построить для тебя «там», и ты, горделивый Тамыр, не поиграл с тобой в ляngu.

Он давно присматривался к ночному небу, по звёздам определил направление на юг, мерцающие светлячки потом переместятся, но до утра сбиться с пути не дадут. А в светлое время ориентир надёжней — по восходу и закату. Он взмахнул палкой, поторопил Груша в тёмную глухую степь. Хотелось закричать: «Господи, спаси!». Вспомнил слова отца — спасение в тебе самом, думай, прислушивайся, иди вперёд! До самого утра он бежал наугад, по зыбким теням, по чёрным травам и цветам, не давая верблюду сбавить быстрый широкий шаг. Вдруг беглец услышал собачий лай и невольно поёжился — погоня?! Лай приближался, и пленник с облечением узнал: это Жума! Пришлось остановиться и на несколько минут (больше нельзя!) спуститься к брошенному другу. Алабай от радости завертелся, на угощение (кусочек лепёшки) даже не посмотрел,

стал наваливаться лапами на плечи, никак не остановить. Наконец, пёс утомился и понял, и уныло опустил хвост: он должен вернуться. Всадник опять в седле, опять спешит и натывается на такыр, размокший от весенней обильной воды. Едва не увязли в опасной глине, но выручил Груш — вовремя свернул на сухой взгорок... За ночь безостановочного пробега верблюды устали, да и человеку нужно отдохнуть, — без привала, пусть и очень опасного, не обойтись. Возле цветущих акаций беглец стреножил верблюдов, они кинулись объедать вкусные ароматные деревья. Вскходило солнце, до дневного пекла ещё далеко, пленнику, прикорнувшему под одиноким кустом, удалось на несколько часов провалиться в глубокий сон и обрести бодрость. Верблюды, поджав ноги, уже дремали в густой траве и жёлтых тюльпанах. Сюда бы отца, он иногда рисовал акварелью, чем не пейзаж на память! Цветов столько — как на праздник для всего земного шара! Мама бы ахнула и непременно привела бы детвору полюбоваться щедростью весенней пустыни. А Настенька, он запомнил, стала бы как-то по-особому радостно, как ребёнок, смеяться...

Верблюдов пришлось поднять и привязать Гостевого к хвосту Груша. Вперёд, только вперёд! Беглец решил, пока не грянула настоящая жара, двигаться в дневные часы и, по возможности, отдыхать ночью. Так и действовал и через неделю-другую потерял счёт дням. Это не страшно, зато он радовался тому, что не было погони, и точно знал время года: весной полустепь и песчаные барханы — в сочной зелени, в маках и тюльпанах; тамарикс и акация распускаются бурно, стремясь в короткий срок удивить мир буйством красок. Начинается лето — холмы превращаются в песок, травы погибают, зелёные кусты зарываются в барханы. А в середине лета настоящую жару саксаул и акация встречают полуобнажёнными, частые ветры их не сгибают, гоняют взад-вперёд жантак — верблюжьей колючку. Барханы начинают ползти, засыпают всё живое. Да нет! Живое не засыпать! Живые змеи извиваются на пути, шныряют юркие ящерицы, а ночью можешь не углядеть скорпиона или фалангу. Но радость заметишь обязательно — как белого степного воробья на крупе замыкающего верблюда! А ведь не боится, сорванец! Спасибо, птаха! Всё это беглец увидел воочию и пропустил через себя сам. До середины лета он стойко держался, хотя мешки трагически опустели. Самое страшное — Груш и Гостевой стали прихрамывать, вот-вот сядут и дальше не пойдут. Стала преследовать жажда. Нужна вода! И животным, и человеку, с жаждой шутки плохи. Он с надеждой спрашивал и спрашивал: где найти влагу жизни в пустыне? И себе же отвечал: потерпи, прислушайся к природе, не суетись. И природа (даже не поверить!) сотворила чудо. Беглец, устроивший привал между двух высоченных барханов возле мощнейшего саксаула, не мог увидеть спасительное озеро — а вода была рядом, всего-то в сотне шагов. Когда удалось Груша и Гостевого поднять с колен и потянуть за собой по ложине, чудо и обнаружилось. Озеро пресное, верблюды прежде всего досыта напились и, стреноженные, принялись уплетать осоку. Беглец разделся догола, нашёл неглубокое место, окунулся с головой; мыла не было, и длинные, отросшие волосы слиплись. Ладно, придётся обрезать. От озёрной воды, как ни хотелось, воздержался — только после кипячения! Вечернее солнце было достаточно сильным и с помощью очков запалило костёр. Пока в подвешенной над огнём кастрюле и в кумгане закипала вода, беглец вспомнил, как в речке Скворчихе ловил плотву и налимов — и удочкой, и бреднем, и разной другой придумкой. Опытный рыбак превратил рубашку в хитрое устройство наподобие бредня, обошёл куст и резким движением выгреб большую рыбину. Поймал ещё и ещё. Удача! Значит, будет ужин и останется про запас. Закипевшую воду отнёс на озеро охлаждаться, чтобы перелить потом в кожаный мешок; заварил в кружке жантак (о, аромат верблюжьей колючки неподражаем!); наколот на очищенную ветку тамарикса рыбину, стал жарить над огнём. Горение поддерживал всю ночь, кипятил и охлаждал воду, пока кожаный

запасник не заполнился. Неподдалёку, в песках, инoplanетным изваянием высились корявые неохватные стволы саксаула. Зыбкий свет костра их высвечивал — без листьев, но живых, не сломленных ни беспощадным солнцем, ни свирепыми ветрами. Вот доказательство, думал беглец, жизнестойкости природы — плодородная земля превращается в мертвый песок, а дерево не сдаётся, его не срубить даже самым острым топором. Только естественная смерть позволяет веткам упасть, да не просто упасть — дать живущим тепло и надежду, и уверенность на неодолимую стойкость. Живёт и радуется жизни не только саксаул: вся пустыня — в мыслях о живом. Разве не фантастика — в песках водятся кошки! Ночью в отблесках костра одно такое любопытное существо пыталось к беглецу приблизиться, но кофотей чего-то испугался и юркнул в темноту.

С рассветом беглец поднял верблюдов и повёл караван на восток с уклоном на север — наугад, будь что будет. Кругом песок, в дневные часы раскалённый, а с набегом ветра колющийся, злой, не всегда сумеешь плотно закрыть лицо и руки. Невозможно дышать, а верблюды носы не прячут, в две сомкнутые щелочки песок не попадает. До полудня шли бодро, остановились на отдых. Вдруг беглец заметил на горизонте, в южной стороне, три чёрных смерча и содрогнулся: как неистово крутятся, как бешено носятся из стороны в сторону — адский танец! Пленник знал, что это такое — надвигалась крошечная буря, поползут пески. Груш и Гостевой усажены рядом, между ними протиснулся пленник, укрылся курпачой. Ветер усилился, завыл, вздыбил фонтаны пыли, и начался жуткая круговерть. Барханы заходили ходуном, песчаные волны захлестнули всё живое. Беглец съёжился под курпачой, ждёт, когда беспощадная тяжесть сверху перестанет давить и вернётся нормальное дыхание. Иногда казалось — пытку не выдержать. Нет воздуха! Держись, парень, ты был солдатом! Не сдавайся! Ветер скоро уймётся! Ещё немного! Чуть-чуть! Не верилось, но дождался: смерчи, наконец, поволокли бурю в глубь пустыни, установилась тишина. Пленник, задыхаясь, с большим трудом выбрался из-под курпачи, стал сбрасывать песок с верблюдов. Они поднялись и, как ни в чём не бывало, отряхнулись, зашлёпали но новым насыпям. Верблюды, конечно, не заметили ни крутящихся чёрных танцоров, ни песчаной бури — засыпало, ну и что? А беглец заволновался, задумался о прошлом. Нечто похожее, как ему показалось, он много раз видел в Скворцове. Правда, там было бирюзовое небо, белые кучевые облака, но так же неожиданно на горизонте появлялись старцы с длинными синими бородами — это были тёплые ливневые дожди. Таилась и опасность! Старцы приводили грозы, сыпали молниями по полям, избам, даже были пожары. Однажды, мальчишкой, он ушёл на рыбалку один и подкравшейся грозы не заметил. Бежал домой через луга, летели огненные стрелы и обрушивался гром. Но мальчишка ничего не боялся, а мама, увидев сына невредимым, слёз не сдержала. Что ещё из того дня он запомнил? Маленькую Наташку — она бегала босиком по лужам, и бабу Полю — после дождя бабушка собирала на лужайке луговички.

Беглец, весь в раздумьях, очнулся, караван остановил. Куда же он под раскалённым солнцем? Отменять уже привычный распорядок дня не собирался. Стреножил Груша и Гостевого, от нещадного пекла закутался в шапан, надвинул на глаза кураш и улёгся под полузасыпаным тамариском. Сейчас не до воспоминаний, успокоила мысль о голоде — на жареной рыбе он продержится несколько дней, а дальше что? Убить змею, варана, паука? Годятся ли они в пищу? А не лучше ли — лису или воробья? Убить! О том, что он впервые подумал об убийстве живого существа, даже не догадался — плоды воспитания глубоко в песок закапывал инстинкт самосохранения. А дальше, от привала к привалу, день за днём, преодолевая слишком трудные километры, он чувствовал, что теряет последние силы. С чувством голода он как-то ещё боролся, уговаривал себя потерпеть, но как быть без воды? Втайне надеялся на очерёд-

ное чудо (неожиданный колодец!), но чудо, увя, не являлось, а горячие барханы и мёртвый песок жизни не обещали. Самое страшное — он понимал, что вот-вот сам упадёт под ноги верблюдам, что же тогда — конец? Вернуться не суждено? А ведь он прислушивался и к себе, и к небу, и к живой природе — нужны силы, а сил нет. Мутило так, что заходил ум за разум, он даже подумал, что перестал быть человеком и весь превратился в животное, которое живёт только тогда, когда его кормят и поят. Да, да, инстинкт самосохранения, распаяясь, кричит о себе, зовёт действовать! Но как? Вдруг верблюд, привязанный к хвосту Груша, рухнул на колени, большими умными глазами посмотрел на человека и повалился на бок. Это беда! Чем помочь страдальцу? А может быть, он хочет помочь беглецу? Да, да, погибающий, уходя, отдаёт жизнь другому, тому, кто должен во что бы то ни стало выжить и победить! Наверное, лютый голод, наверное, лютая жажда совсем затуманили сознание, беглец перестал управлять собой, подчинившись инстинкту. Прости, дорогой верблюд! Ты пришёл на помощь человеку. Ты мой верный, единственный спаситель и настоящий друг! Беглец накинул на большую голову, лежащую на песке, курпачу, судорожно нашарил в поклаже кухонный нож, ещё раз взмолился: «Ради Бога, прости!». С воплем вонзил острое лезвие в крупное мохнатое горло. Бурным фонтаном брызнула кровь. Где же кастрюля? Где кружка? Пока доставал, утекло много. Всё же осталось достаточно, чтобы вдоволь напиться. Насытившись, беглец опрокинулся на песок и долго лежал, приходя в себя. Из животного он опять превратился в человека, встал, поклонился поверженному животному, вытер окровавленный нож и подумал: мясо не должно пропасть. Для этого нужен костёр, жарить хотя бы крупную заднюю ногу. Жажда утолена, это главное. Очки есть, саксаула — несметное количество, сухие колочки — в изобилии, значит, будет еда и появятся силы.

До вечера он возился с костром, отсекал, как заправский мясник, часть туши, долго снимал трудную шкуру. Наконец, очищенное мясо повисло над огнём и приятно запахло... Ночью наелся, голод исчез, но до ужаса усилилась жажда — нужна вода, без воды он пропадёт! Решил немедленно бросить это спасительное и уже опасное место — вот-вот на завонявший труп верблюда накинется хищное зверьё! Он взобрался на Груша и палкой погнался на северные звёзды, теперь ничто не останавливало. Мутило так, что только криком мог заглушить неприятные ощущения, а крики придумал непростые — это звуковое, громкое письмо Настеньке: «Я спешу! Я не погиб! Это я, я, я! Очень хочу увидеть! Не горюй! Не сомневайся! Встретимся! Уже скоро!» Потом он потерял сознание и замолчал до самого рассвета. Умный Груш хорошо понимал человека, изо всех сил бежал от беды. При утреннем свете беглец очнулся и увидел перед собой полуразрушенные дома и высушенные солнечным жаром деревья. Вспомнил о незаконченном письме и закричал: «Настенька, я спасён! Я точно знаю — найду! Здесь вода! Здесь колодец! Люди ушли от песков! Но колодец остался!» Груш неожиданно подогнул передние ноги, сел и едва не сбросил седока. Но беглец был благодарен — он бы с высоты не слез. Опираясь на палку, заковылял по улице, до самого конца. Колодца нет. Жаль! Пошёл по другой улице — тоже нет. Пошёл по третьей, с надеждой прошептал: «Ну где же ты. Я обещал!» В конце четвёртой улицы, возле высоченного бархана, и нашёл обещанное — почерневший навес и массивную деревянную крышку, оберегающую воду от песка. «Настенька! Ура! Кто хочет, тот всегда...» Докричать не удалось — беглец потерял сознание и упал.

Что было дальше — он не помнил. Даже не представлял — сколько прошло времени. Очнулся среди подушек на мягко устеленном полу. Где он? Кажется, в юрте. Да, в юрте! От радости чуть не задохнулся: мир не без добрых людей. Ему потом рассказали (язык знакомый, но какой-то другой), как случайно возле старого колодца, из которого частенько брали воду, нашли верблюда и полуживого дервиша, чёрного,

заросшего, с голубыми глазами. Он сразу и решил — что ж, это и хорошо, будет дервишем, бессловесным, тронутым умом. Его уважительно кормили, поили, выхаживали, что-то рассказывали, что-то показывали, а он молчал и в знак благодарности кланялся. Волосы на голове ему немного подрезали, а трогать бороду не дал, замычал и забормотал что-то грозное — его и оставили в покое: дервиш должен быть с бородой. Всю зиму в бездействии он сидеть не мог, выходил во двор присмотреть за овцами, помочь по хозяйству; непременно с угощением (корочка арбуза, дыни, кусочек лепёшки) навещал Груша, которого использовали теперь для перевозок. Свою одежду штопал сам, неумело, на потеху женщинам, действуя иглой. Приютившей его семье нравилось, что дервиш любил музыку и песни; с большой любовью он рассматривал старинный гыджак, несмело трогал смычком струны, но взять в руки инструмент по-настоящему так и не решился — видно, слишком недоступно для него занятие. У старика хозяина постоянно в ходу был дутар, дервиш и его не обошёл вниманием. Он не скрывал — нравились ему песни на стихи Зелили и Кемине (старик с гордостью произносил их имена) — дервиш качал головой, мычал, кланялся сладкозвучному музыканту. Все понимали: такой уж он чувствительный человек, он же дервиш! Была у чувствительного человека ещё одна особенность: он всегда оживлялся, необыкновенно радовался вестям из города. Их обычно, с мукой, рисом, сахаром и другими продуктами, привозил старший сын хозяина. Дервиш неизменно спешил к джигиту, низко кланялся; весной даже встал перед ним на колени. Все ахнули: что происходит? Хозяин разъяснил эту причуду по-доброму: дервиш хочет посмотреть город, давайте ублажим душу обиженного природой человека. Джигит согласился, взял с собой, так и попал беглец в забытый край движения людей, машин, неумолчного шума. Сын хозяина повёл его по гладким, асфальтированным улицам вдоль высоченных домов, сверкающих стёклами; «обиженный природой человек» ненасытно, не скрывая восторга, глазел и глазел по сторонам и не мог наглядеться. А парень быстро устал и начал сердиться — всё хорошо, но сколько можно? Ему в конце концов надоело, он остановил дервиша и распорядился: «Назад! Нужно ещё на базар!» Дервиш скрестил на груди руки, взмолился, показал знаками — ну ещё немного! Парень неумолим, глаза исподлобья недобро сверкают. Дервиш впервые отозвался словом «Яшу! (хорошо)» и послушно повернул в обратную сторону. Вдруг беглец разглядел возле массивных ворот вывеску — «Посольство...» То, что надо! Он приотстал от парня и заметил кнопку звонка. Кинулся к воротам, стал звонить, звонить и стучать по железным пере-кладинам ногой.

Так он попал в посольство. Станным дервишем сразу заинтересовались, узнали — он из России, без документов, откуда конкретно и как здесь появился, не помнит, наглухо забыл. Связались с Москвой, и сразу распоряжение — немедленно доставить на родину. В Москве его отправили в больницу, постригли, побрили, дали модную куртку, брюки и остальную одежду. Он, как в сказке, превратился в Юрия Михайловича Котова, вспомнил, где живёт и как попал на чужбину. Милый, симпатичный парень откровенно понравился нежной, отзывчивой медсестре, но Юрий честно признался: он занят, его ждёт Настенька. Наконец, он попал в родной город и прежде чем войти в подъезд дома, где родился и вырос, присел на скамейке рядом с детской площадкой, наблюдал за малышами, которые пока ничего не знают о жизненных трудностях и опасных ловушках. «Растите сильными и бесстрашными! — пожелал он. — Будьте готовы к любым неожиданностям!» На третий этаж поднимался медленно, рассматривая и примечая каждую ступеньку — все они дороги до слёз. Да и всё дорого — и поцарапанные стены, перекрашенные много раз, и деревянные перила, удобные для съезда верхом, и дверь с металлической ручкой и кожаным покрытием. Отец оказался дома; увидев сына, ахнула, упал в его объятия и словно онемел. «Как ты похудел!»

только и смог сказать, когда прошли в комнату. Сын ответил шутливой улыбкой: «А ты потолстел, и волос стало поменьше!» — «Если бы только волос, — грустно ответил отец, — нас всех стало поменьше...» Это уже серьёзно, сын насторожился. Отец продолжал: «Мама не выдержала, она так тебя любила. Ушла наша мама на небеса...» У сына подкосились ноги, сел на стул: «Я не виноват. Меня насильно. Как я выжил — не знаю сам. Наверное, благодаря тебе, я нашёл опору». — «Да, опора — это важно. Твоей небесной опорой всегда была мама. Потому ты и выжил — мама отдала тебе... свою жизнь». Сын замер от неожиданного открытия: как верно сказал отец! Да, это мама. Низкий тебе поклон! Едем на кладбище! Сейчас же, не откладывая! По дороге на кладбище отец рассказал про Наташку — она, оказывается, вышла замуж, переехала, родила мальчика. «Как же так? Ведь Наташке всего семнадцать!» — «В эти годы с любовью не поспоришь, у родителей не спрашивают...» Рассуждения о любви вернули сына в реальный мир, он вспомнил о Настеньке. Отец мудро, понимая, стал говорить: «Не суди её. Ты пропал, никаких вестей. Что ей, так и оставаться одной?» — «Вышла замуж?» — не веря, догадался сын. Отец не ответил — значит, так и есть. А Пашка, оказывается, вовсе не пропал, женился, у него счастливая семья, ребёнок. Разгорячённые мысли связали Настину замужество и Пашкину женитьбу воедино; откладывать не хотелось — как не поговорить с лукавым человеком с глазу на глаз! Нашёл он его в новом микрорайоне не стройке. Бешеной радости от встречи с воскресшим другом Пашка не скрывал и сразу же, отпросившись, потянул к себе домой, на ходу объясняя: заказчик его по-чёрному обманул, на условленное место не явился, а ты тайно исчез! Двое суток Пашка метался, поднял на полустанке всех на ноги, но никто ничего не видел и не слышал; пришлось купить билет в обратную сторону... Дверь в Пашкину квартиру открыла его жена, гостеприимно представилась: «Вера», и у Юрки напрочь исчезло чёрное подозрение. Ладно, пусть Настя живёт с новым избранником, любовь им и совет! Мешать хорошей семье, а тем более разрушать — великий грех!.. Посидели за столом, в общем-то, неплохо, Пашка много рассказывал о себе, а Юрка отмалчивался — не хотелось ворошить пережитое, совсем не пил — отвык от спиртного. Вернувшись от Пашки домой, сын заметил: отец что-то хочет сказать, но не решается. «Говори, папа! Говори напрямую. Ты же знаешь — у меня есть с кем посоветоваться». — «Спасибо, сынок. Я и буду напрямую. Видишь, я остался один. Но я ещё не старик, я полон жизни! Печально, что нас покидают родные нам люди, но такова жизнь — кто-то уходит, а кто-то остаётся. Беда в том, что человек не может существовать один, человеку нужна опора. Твоя мама и моя любимая жена ушла, это тяжело. Ушла и моя опора. Любимого никто не заменит, нет! Но я один. Имею ли я право не быть одному?..» Вопрос слишком серьёзный. Сын помолчал и твёрдо ответил: «Да, папа, имеешь. Если нашлась помощница, буду рад». На другой день отец познакомил сына с Еленой Дмитриевной, учительницей литературы, симпатичной женщиной, и Юрий задумался: удобно ли ему, взрослому человеку, мешать новой семье? А если он сам женится, не тесновато ли будет? С этими мыслями он поехал в Скворцово, навестил могилу мамы, похороненной рядом с дедом и бабушкой, положил на мраморную плиту луговые ромашки и васильки. Негромко спел любимую песню Василия Ивановича о родине. Побродил по-над речкой, срезал веточку ивы (будет дудочка!). Прислушался к самому себе. Отметил предложение Пашки — есть хорошая работа, будет квартира — и на душе посветлело. О Насте старался не вспоминать, от любой мысли о ней отмахивался, пусть живёт как хочет. И конечно же, надо навестить Наташку. Вдруг подумал: не съездить ли в Москву к девушке, заботливой медсестре, которую почему-то по-доброму запомнил? Ведь жизнь продолжается! Всё впереди!..

ПОДРУГИ

Рассказ

Анна Сергеевна глазам не поверила: на пороге, прямо перед ней, как тридцать лет назад, улыбалась живая, строго причёсанная, с необыкновенно пронциательными чёрными глазами, Зинаида — лучшая подруга далёкой студенческой молодости. Теперь чуть присутуленная, с прядью седины, с глубокой извилилкой меж бровями. В руке большой дорожный чемодан на колёсиках — удобный, лёгкий. Подруги обнялись, и вместо ожидаемой «Белой сирени», любимых духов Зинаиды, набежал запах давно не стиранной, лежалой одежды. Ну, это исправимо, подумала Анна Сергеевна и сразу повела неожиданную гостью в ванную комнату. Приказала всё сбросить в стиральную машину, принесла на смену белё из своего гардероба. Успела на ходу задать два вопроса: один наивный, шуточный — чемодан не слишком ли велик, такой огромный? Зинаида с привычной строгостью ответила: «К дочери еду. Без гостинцев нельзя». Анна Сергеевна понимающе согласилась: забота — первейшая обязанность педагога. Другой вопрос посерьёзней — как меня нашла? «Встретила случайно Катю Иванову, она и рассказала». — «Ну да, я с Катей переписывалась. Как она там?» — «Куча детей, внуков». — «Молодец Катя, я сразу её приметила». Когда сели за стол, выяснилось — Зинаида от учительских дел отошла, сразу же, как только получили дипломы и разлетелись кто куда. По распределению, к чертям на кулички, не поехала, решила вернуться домой, к родителям... Зинаида прервала рассказ, разлила по рюмашкам остатки малиновой наливки; философским взором пронизывая спиртное, резюмировала: «До чего, зараза, хороша, но до чего губительна! Папашу моего на тот свет спровадила, да и меня, чую, задела. Но я стойкая, не поддаюсь!» — и одним махом опустошила рюмку. Анна Сергеевна поддержала: правильно, поддаваться нельзя. С непонятной тревогой стала вглядываться в подругу, в кривую морщинку между бровями — что за беда в ней прячется? А Зинаида продолжала: ну, вернулась к родителям, а там между матерью и отцом сплошные скандалы... Ближайшей школе учителя не требовались, устроилась воспитателем в детском саду. Начала работать, вошла в ритм, а тут появилась новая заведующая, представляешь? Всех одним приказом уволила. За что? За злоупотребление пищеблоком. Просто смешно! Разве дети голодают? А воспитатели — что, не люди, им не положено нормально питаться?.. Уволила, но свет не погас! Зинаида случайно познакомилась с моряком дальнего плавания — он приехал к соседям в гости, ну и предложил девушке совместную семейную жизнь. Согласилась, отправились в сибирские края. Там и дочка родилась. Но в школу так и не пошла. А потом? Муж месяцами пропадает в море, совсем не думая о молодой жене... Рассказывать дальше Зинаиде расхотелось, и Анна Сергеевна предложила: не лучше ли вспомнить про студенческие танцульки! «Павлика помнишь? Как меня отваживала?» — «От этого шибздика? Да разве он тебе пара?» — «Хороший был парень», — не согласилась Анна Сергеевна. «Все они хорошие, пока танцуют. И мой, старпом, такой же. Просто замечательный, когда в море. Потому и решила сбежать...» — «Ладно, ладно, о плохом не будем». В непринуждённом разговоре просидели до поздней ночи. Зинаида предложила сбежать в магазин за бутылкой, но спохватилась — уже слишком поздно... Анна Сергеевна уложила подругу в свою постель, а сама пристроилась рядом, на раскладушке. Так и не заметили, как настало утро.

Сладко потянувшись в лучах солнца, Зинаида вспомнила: «Всё я да я, да мой старпом. Сама-то как? Не бедуешь? Рассказала бы». — «А что рассказывать? Всё в двух словах — работала и... любила. Работала в школе, любила мужа. Пока он не погиб на опасном задании. Он ведь кадровый

офицер, и жизнь наша была в военном городке. В этом самом, и в этом самом доме... И в этой самой школе, к которой привязана до сих пор. Бывшие малыши выросли, пишут мне большие подробные письма...» Зинаида слушала с большим вниманием и заключила весомо: «Счастливая ты, Аня, можно позавидовать». Анна Сергеевна со смехом разрешила: «Завидууй сколько угодно! Но прошу от меня не отставать!..»

Завтракали свежим творогом и молоком, которыми постоянно снабжала тётя Аксинья, бабушка ученика Анны Сергеевны. Довольная Зинаида, наконец, поднялась из-за стола и внимательно стала рассматривать фотоснимки на стенах, в шкафу за стеклом, на тумбочках. Кроме молодого красивого офицера рядом с Аней, её заинтересовало ещё одно лицо — улыбчивый мальчуган во всех ракурсах. «Сын», — догадалась Зинаида, и Анна Сергеевна подтвердила: «Да. Мой Егорущка. Живёт в Москве». — «И муж красавец, и сын — вылитый артист, — высказалась Зинаида. — Дай Бог каждому». — «Теперь в сад!» — пригласила Анна Сергеевна, и подруги вышли на крыльцо дома, ступеньки которого с двух сторон украшали ирисы. Зинаида спросила: «И всё же скажи, подруга, одной-то не скучно, не заедает тоска?» — «Да разве я одна? Все меня знают, и я нужна всем, всегда приду на помощь». — «Какая же от тебя, пожилой женщины, помощь?» — «В городке много детей...» — «Понятно. А как же сын?» — «Зовёт! Но разве наш общий дом я смогу бросить? Сынок сам приезжает, не забывает». — «Рада за тебя. Редкая идиллия!» — Зинаида горячо приобняла подругу.

В саду, сразу за домом, она по-настоящему растрогалась: «Батюшки, какое цветение! Как чисто! Как ухожено! Да отсюда и впрямь никуда не захочется». Яблоки ещё не созрели, зато призывно синели крупные сливины, да поразили ягодной щедростью красная и жёлтая малина. «Вот бы мне с собой! Порадовать внука...» — «Соберём, порадуешь». Анна Сергеевна подвела подругу к раскидистому грушевому дереву, под которым живописно устроена небольшая крепкая скамейка. Зинаида заметила вырезанные на сиденье буквы: А + А. Анна Сергеевна объяснила: «Это я и мой Антоша. Мы вместе нацарапали. Да и грушу посадили вместе...» — «Да, да, всё дышит любовью», — как-то поспешно согласилась Зинаида, и чуткой Анне Сергеевне почудилась насмешка. Насмешка почудилась и улетела, но чем-то всё-таки зацепила, видимо, слишком памятная, слишком особенная была для неё прошлая жизнь с Антоном, чтобы говорить о ней просто так, всуе... А флигилёк в конце сада, возведённый руками самого Антона, был для Анны Сергеевны как часовня. Здесь любил отдыхать и муж, и, когда приезжает, сын, сюда же частенько приходит она сама мысленно пообщаться с самым родным человеком. Приятно, что флигилёк невероятно понравился Зинаиде, она обошла его несколько раз, и посидела, игриво подпрыгивая, на мягком диванчике, и предложила попить чайку — здесь же на столике сверкал металлическими гранями электрический самовар. Зинаида даже запросилась на постоянное жительство. «А что, подруга, примешь меня? Я бы поселилась на веки вечные!» — «Поживём — увидим», — уклончиво ответила Анна Сергеевна, испугавшись неожиданного предложения. А вот для чаепития нужны шоколадные конфеты, хороший листовой чай, и Анна Сергеевна засобиралась в магазин, попросила Зинаиду побыть одной. Но та захотела взглянуть на местную торговую точку, и в магазин подруги отправились вместе.

Купили и конфеты, и чай, и печенье, и даже заварные пирожные. Зинаиду заинтересовала краковская колбаса, она давно такой не едала, да ещё красная головка голландского сыра — тоже купили. От обилия продуктов разбегались глаза, но у Анны Сергеевны, к сожалению, кончились деньги. «А как же без выпивки? — спохватилась Зинаида. — Столько лет не виделись, нельзя!» В долг взяли бутылку «Столичной», Анне Сергеевне доверяли. «Но только вечером! Сейчас — чай», — строго, по-учительски, предупредила она. Однако чаепития в флигиле не состо-

ялось. Анну Сергеевну по дороге остановила молодая женщина и стала умолять: «Пожалуйста, посидите, только на два часа! Маму некому встретить. Мой Сержик только вас и слушается!» Недовольной Зинаиде, с покупками, пришлось возвращаться одной...

Два часа пролетели незаметно, Анна Сергеевна поспешила домой, но Зинаиду не обнаружила. В саду, во флигеле тоже не нашла. Вернулась, обнаружила на кухне початую бутылку «Столичной». «Значит, выпила и отправилась погулять». Взгляд остановился на чемодане, пристроенном в углу. Никогда не было соблазна копаться в чужих вещах, а тут... Что же везёт подруга своей дочери? В висках застучало: «Не убий, не укради!..» Анна Сергеевна перекрестилась, нагнулась к чемодану, щёлкнула замком. Крышка откинута, к ногам посыпались только что купленные шоколадные конфеты, шлёпнулся сыр, да неудачно — прямо на пол свежееотрезанной стороной, ровно полголовки, а на сыр свалилась краковская колбаса... В глазах потемнело... «Как же так? Угощать моим угощением?» Стала себя уговаривать: «Ведь бедствует человек, а чем порадовать дочку и внука...» Всё упавшее собрала, чемодан придвинула на прежнее место. А тут и Зинаида вошла, сияющая, довольная. «Я местность изучала! Добралась до речки, дальше не пустили, говорят — полигон. Красотища, и только! Я точно поселюсь у тебя». — «К сожалению, не получится, — решительно произнесла Анна Сергеевна. Она никогда не обманывала, а сейчас на неё накатило, пришлось солгать: — Прости, Зиночка, я встретила почтальона. Звонил сын, просит срочно приехать. Завтра же и отправлюсь». — «Ой, как жалко! — вскинулась Зинаида. — Толком не погостила...» — «В другой раз», — сказала Анна Сергеевна, и Зинаида с радостью отреагировала: «Через месяц вернусь! Надеюсь, за это время управишься». — «Не знаю. Сын сказал — надолго». — «Как нехорошо получается», — застонала Зинаида. «Получается прекрасно. Вечерком накрою стол, напоследок посидим, допьём водку». — «Извини, я немного хлебнула для храбрости». — «Хлебнула — и хорошо».

День завершался на унылой ноте, подружки почти не общались. А позже, за столом, разгорячившись, вспоминали разные случаи из студенческой жизни, смеялись над скупым завхозом, который в общезжитии экономил на лампочках, и даже спели гимн: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Ранним утром Анна Сергеевна собрала для Зинаиды литровую банку малины, сбегала к тёте Аксинье за сметаной — тоже гостье в дорогу. Сели завтракать, и Зинаида слёзно заявила — ей лучше остаться, денег у неё почти нет и до Читы, где живёт дочка, она вряд ли доедет. Что же делать, надо выручать подругу. Анна Сергеевна достаёт «НЗ» и отсчитывает нужную сумму. Зинаида радуется, чуть не пляшет. Наконец, собрались и отправились на остановку автобуса. Чемоданом управлялись вместе: по асфальту катили на колёсиках, на кочках несли вручную. Зинаида, поднимаясь в автобус, чуть не плакала, но всё же нашла своё место и помахала рукой. Анна Сергеевна поспешила домой и, упав на постель, зарыдала в подушку: «Господи, прости меня, грешную! Прости! Прости!..»

НЕ ВСЕ!!!

Невыдуманная история

Памяти поэта Сергея Макарова

Он был необыкновенно ласковым, нежным, отзывчивым ребёнком, не дитя, а небесный подарок родителям. И мама до своих самых последних дней не сводила с него влюблённых, охраняющих глаз — и вкусно кормила, и справляла красивую одежду, и советовала, и бурно радовалась вместе с сыном его стихам: и только что написанным, и напечатанным в газетах и журналах, в поэтических книжках. А когда, по возра-

сту, ушла в мир иной, оставив сына в одиночестве, для него и начались неодолимые трудности. Впрочем, всё было одно за другим — советское государство развалилось, раскололся и Союз писателей; за стихи перестали платить — пожалуйста, печатайся, выпускай книги, но за свой счёт, сам же их продавай и разноси по библиотекам. На поэта с именем посматривали косо, поэтическая секция привечала сложных, заумных творцов, сам же он писал просто, понятно, как Пушкин, как Есенин (недаром его наградили орденом «Звезда Пушкина» и Есенинской медалью), не закапывал мысль в словесных глубинах. Против сложности он не возражал, в любом искусстве есть множество оттенков, направлений: реализм, сюрреализм, кубизм, абстракционизм, импрессионизм и так далее. Пусть будет всё, но пусть всё существует мирно, без претензий, без воинственных упрёков. В своих собственных пристрастиях поэт не сомневался, многочисленные поклонники откровенно восхищались его талантом, несли на отзыв первые опыты, просили составить и издать книгу. Он никому не отказывал, с восторгом, семейными вечерами, читал маме удачные находки, оценивал вместе с ней творческие победы юных и далеко не юных дарований.

Да, мама всегда была рядом с ним. Она очень хотела, чтобы у сына появилась милая, заботливая девушка, которая стала бы потом верной, по-настоящему любящей женой. Но ему, простодушному, открытому всем земным ветрам, почему-то с девушками не везло. Он всё принимал близко к сердцу, чутко отзывался на каждое доброе слово, долго не мог забыть недружелюбный взгляд или поступок. Тяжко, тайком от посторонних глаз, пережил свою первую совершенно безответную детскую любовь, которую высматривал, выжидал часами под окнами холодной, неприветливой многоэтажки. Потом это выльется в строки: «О Ваше равнодушие я душу ободрал». Заканчивались ничем, уже в зрелом возрасте, и другие пылкие увлечения. И погасли совсем, когда одна прекрасная дама сказала: «Зря стараешься. Лучше Есенина всё равно не напишешь». А он и не старался, усилий не прикладывал, он просто так жил, как на духу говорил о том, о чём думал. Опять же — мама! Лучше мамы его стихи никто по-настоящему не понимал и не ценил. В этом он с годами утвердился и постороннего женского участия в своей творческой жизни не принимал. Они хорошие, они замечательные, но они как инопланетяне — воспринимают и оценивают мир на других волнах...

Мама, и только мама. Отца своего лучше всего он запомнил по Нижнему Новгороду, где поэт родился и прожил все военные годы до переезда в Ленинград. Мальчишке шесть лет, его ведёт за руку красивый стройный офицер, на пуговицах и погонах искрится солнце, под козырьком весёлые глаза и улыбка. Отец и сын гуляют вдоль Окской набережной недалеко от Стрелки. Впереди длинный мост, по которому снуют трамваи, а справа на песчаном пляже лежат и стоят, как изваяния, загорелые люди. За пляжем водный простор, доносятся бархатные гудки проходящих пароходов. Спустя много лет поэт приедет навестить детство и с удивлением обнаружит: набережная огорожена, пляжа нет, трамваи через мост уже не ходят. И всё же одна детская радость осталась: по-прежнему живописно зелен противоположный берег Оки с белокаменным монастырём. В Нижний поэт приезжал много раз, прислушивался, присматривался и понимал — основы его творческого видения заложены здесь: такой нежно-белой кучёвки, изображающей фантастические миры, такого зелёно-красного бора, где «шепотно словам», такого раздолья на речной воде и заволжских лугах он нигде не встречал; эти трепетные картины растворятся в других русских пейзажах, и на челе большой Руси засияют одним украшением голубые ленты Волги, Оки, Невы, Волхова, их многочисленных больших и малых притоков. С переездом в Ленинград-Петербург чувство Родины чудодейственно укрепилось, естественно перешло в стихи. Нет, спокойствия не было, особенно после крутого, неожиданного перелома в девяностых.

*Всё никак не могу наглядеться,
Отдышаться никак не могу.
И дрожит разорённое сердце,
Как пустое гнездо на снегу...*

Особенно тяжёлым оказался год, когда он потерял маму. Он беспомощно заметался, затосковал... И вдруг в грозу сверкнуло спасение, молния показала светом маяка: ему предложили возглавить писательскую организацию в старинном городе на берегах Волхова. Не раздумывая, он продаёт квартиру в Петербурге, на новом месте обретает жильё и спешит заняться делами. Но всё вокруг дышит историей, рука рвётся записывать стихи. А что за дела? Долги, финансовая запущенность, нужно бегать по учреждениям, доказывать, требовать, выяснять. Надо ли ему это? Он художник, должен писать, руководить творческим процессом, а не доказывать чиновникам прописные истины. Терпения хватило на два года. Наконец, решился, ушёл на вольные хлеба. Сразу же вопрос: а жить-то на что? Да и на какие средства выпускать свои книжки, стихов много, нужна реализация... Вынужден продать квартиру и переехать в комнату какого-то старого общежития. Небольшое помещение не убирал много лет. Очень уж запущенное, туалет завален бумагой и тряпками. Это ничего, лишь бы на письменном столе, на самом краешке, было свободное место для бумаги и ручки. А уборку он делает потом.

В эти невесёлые дни его особенно занимала мрачная тема, которую он никак не мог осознать, считая происходящее предательством, — его собратья по перу один за другим покидали Россию. На клочке бумаги он лихорадочно записывает: «Ты канадским становишься подданным, это станет ли счастья порукой?..» Конечно же, для себя он и помыслить такое не может!

*Я бы умер, коль знал бы, что боле
Не увижу луга сенокосные,
Что над Мстою мне волю на воле
Не споют соловьи високосные!*

Что поделать, в семье не без урода. И хорошо, что их не так уж и много. Больше друзей, думающих одинаково с ним. Поэт уверен: никогда не покинет родину его петербургский друг — врач и актёр, поэт и любитель антиквариата. Как не отозваться о нём добрым словом! Его квартира — настоящий музей, его стихи — кладёзь философской мудрости. Разве он бросит БДТ, где в студенческие годы играл в молодёжной труппе под руководством самого Товстоногова! Кстати, нужно позвонить, давненько общались — аж на прошлой неделе. Поэт-философ отозвался сразу, заполнив мобильник приятным звучанием голоса. На странный вопрос «Давно хотел спросить: почему ты не стал актёром, не играешь на сцене?» прозвучал чёткий ответ: «Я разве не рассказывал? Мой отец пошёл к Товстоногову и прямо спросил, станет ли его сын знаменитым? Товстоногов сказал: «Он будет хорошим, но рядовым актёром». Отец на «рядового» не согласился и заставил всерьёз заняться медициной. «Я стал врачом». — «В загранку не собираешься?» — «Неплохо бы, на недельку. Больше без Питера не могу». Вот так!

Почему-то остро захотелось позвонить в Саранск — самому знаменитому эрзянскому поэту, стихи которого он с удовольствием переводил. Народный поэт Мордовии скоро отметит столетие, но по-молодому активен, пишет и наставляет молодёжь. В восьмидесятых они часто встречались, а первое путешествие в Мордовию не просто запомнилось, а стало чуть ли не путеводной звездой. Эрзянский любимец повёз его в край своего детства. Показал родное село Пикшень, водил по зелёным берегам речки Сали, а затем они отправились в пушкинское Большое Болдино — всего три километра весёлым пешком! Фронтоник, воевавший под Сталинградом, читал стихи — свои и Пушкина... Вот где разливалась

любовь к родной земле, к малой и большой родине! Народный поэт живо отозвался на звонок, пригласил в гости. Хорошо знакомый с лёгкой шершавинкой голос поднял настроение — пока такие люди живы, а их подавляющее большинство, будет жива и правда о настоящих жителях России, а те, кто усомнился в родных корнях, пусть себе катятся подальше.

Мобильник напомнил ещё об одном хорошем друге. Из Челябинска он недавно перебрался в Петербург. Традиционно спрашивает, как самочувствие, нужна ли помощь. Поэт скромничает — нет, не нужна, справляюсь сам. Обменялись новостями, и — злободневный вопрос: не собирается ли друг в далёкие края? «Жена недавно летала, а я не нуждаюсь, везде хорошо, где нас нет». Поговорили о новых книжках, договорились встретиться. Замечательно! Мобильник возвращается на стол, и тут стук в дверь: сначала неуверенный, затем — посмелей. Несмело входит девушка, краснощёкая, курносая, с россыпью симпатичных веснушек. Объясняет: «Вы меня помните? Вчера на вечере я читала стихи, и вы похвалили...» — «Помню. Есть неплохие строчки... Извините, пожалуйста, я только переехал, прибраться не успел...» — «Ой, сколько грязи!» — неожиданно вырвалось у девушки. «Это, сударыня, не грязь. Грязь — совсем другое... Эту грязь мы как-нибудь отмоем... — У поэта испортилось настроение. — Простите, сударыня, я вас не приглашал». Девушка выскользнула за дверь.

Поэт распахнул окно и услышал далёкий колокольный звон. Вспомнил: «Как семь бельчат в дупле, стонали на звоннице колокола...» Мысленно вернулся к стихотворению и на всю комнату звучно продекларировал:

Вся Русь в огне пылает вражьем...

Не вся,

Не вся,

Не вся,

Не вся!!!